Роберт Скидельский

Возвращение в свой китайский дом[1]

R • 斯基德尔斯基

重返中国家园

Robert Skidelsky

A Chinese Homecoming

Сто десять лет назад контракт на строительство железной дороги привел мою семью в Маньчжурию. И сегодня, на фоне размораживаемого интереса в Китае к европейскому прошлому, я, словно давно потерянный сын, удостоился радушной встречи в Харбине, где я родился.

Около года я планировал свое возвращение в Китай, и теперь это стало возможным благодаря приглашению автора книги о Боксерском восстании Сян Ланьсиня прочесть несколько лекций в Шанхае в сентябре 2005 года. Я говорю о «возвращении», потому что в последний раз я был в континентальном Китае в 1948 году, когда мне было девять лет. Я родился в Харбине в Маньчжурии в 1939 году, переехал в Англию, когда мне исполнилось три года и вернулся с родителями в Китай в 1947 году, где мы жили чуть больше года в Тяньцзине. Незадолго до того, как город захватили коммунисты, мы бежали в Гонконг.

[1] Впервые опубликовано на английском языке в журнале Prospect, 22 января 2006 г. URL: https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/57132/a–chinese–homecoming (здесь и далее примечания переводчика). Перевод А.В. Лукина.

Почему мы вернулись в Китай в 1947 году? Короткий ответ: семья Скидельских владела собственностью в Харбине и арендовала крупнейшую частную угольную шахту в Маньчжурии – Мулинскую добывающую компанию[2]. После Второй мировой войны мой отец, британский подданный с 1930 г., решил предъявить права на семейный бизнес. Однако мы прибыли в Тяньцзинь в чрезвычайно неблагоприятное время – когда коммунисты брали под контроль Маньчжурию, изгоняя гоминьдановцев. Мы провели какое-то время в Тяньцзине в ожидании изменения ситуации, но его не произошло. Помню, как ребенком даже тогда я думал, насколько же плохим генералом был Чан Кайши, что позволил отрезать в Маньчжурии свою лучшую армию.

Когда ты строишь свою собственную жизнь, история твоей семьи совершенно тебя не занимает. Но сейчас я так увлечен своим происхождением и сожалею, что не слушал рассказы моих родителей о нашей семье более внимательно. Эти истории позволяют понять мою собственную жизнь. Скидельские были одной из самых влиятельных семей русских евреев на Дальнем Востоке. Мой прадед Леон Скидельский начал свой жизненный путь в Скиделе, сейчас это Беларусь[3]. В какое-то время в 1880-е годы он переехал с семьей к Черному морю, в Одессу. В 1895 году он выиграл тендер – как и почему, я не знаю – на строительство последней ветки Транс-Сибирской железной дороги, которая проходила через северную Маньчжурию до Владивостока. Он сделал Владивосток домом своей семьи. Семья Скидельских стала одной из десяти еврейских семей, которым было позволено там жить. Мой отец, Борис, родился во Владивостоке в 1907 году.

Ко времени смерти Леона в 1916 году семья владела жилой недвижимостью, промышленными и добывающими предприятиями в Восточной Сибири, тремя тысячами кв.км. лесозаготовительных концессий в России и Маньчжурии, и была одним из крупнейших работодателей в регионе. Маньчжурской частью бизнеса руководил из Харбина один из сыновей Леона – Соломон. Семейное предприятие поставляло уголь для Китайско–Восточной железной дороги (как тогда называли маньчжурскую ветку Транссибирской магистрали) и экспортировало лесоматериалы, фанеру и муку в Лондон и Нью–Йорк. В недавно опубликованных книгах, посвященных российской экспансии на восток, семью назвали «олигархами» Дальнего Востока. Сян Ланьсинь, принимавший меня в Китае, сказал, что каждый в Маньчжурии слышал о знаменитой семье Се Цзе Сы – так по–китайски звучит фамилия Скидельские.

В 1918 году Скидельские уехали из России, потеряв там всю свою собственность, но увезя несколько миллионов долларов наличными. Овдовевшая мать моего отца переехала в Париж и отправила четверых своих детей в английские частные школы. В 1924 году мой двоюродный дедушка Соломон получил в Харбине право на 30-летнюю разработку угля для Мулинской добывающей компании. Это стало осно-

[2] Точное русское название «Мулинское углепромышленное товарищество» (1924–1943), с 1943 г. – «Мулинское углепромышленное акционерное общество» (*Черепица В.Н.* От Волковыска до Харбина: торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX – середина XX в.) в документах и материалах: монография. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 122).

[3] Согласно большинству источников, Л.С. Скидельский родился в городе Слоним Гродненской губернии, расположенном примерно в 100 км к северо-западу от Скиделя. Вполне вероятно, что его предки происходили из Скиделя.

вой сократившегося, но все еще внушительного состояния Скидельских. Харбин, к тому времени крупный русский город, был наводнен русскими белоэмигрантами из Восточной Сибири. В его европейской части пролегали широкие улицы и проспекты, стояли красивые дома, банки, магазины, рестораны, кинотеатры, работали опера и балетная труппа. В 1920-е годы его называли «Восточным Парижем».

Потеряв деньги во время биржевого кризиса 1929 года, моя парижская бабушка переехала в Америку, а мой отец Борис поехал в Маньчжурию работать в семейном бизнесе. В 1936 году он женился на моей матери, а через три года родился я. Во время войны отец сражался в британской армии, но харбинские Скидельские, люди «без гражданства», продолжали поставлять уголь для нужд железной дороги, которая в то время контролировалась японцами, оккупировавшими Маньчжурию с 1932 по 1945 год. Когда в 1945 году советские войска вошли в Маньчжурию, Соломон, вместе с братом Симоном, были отправлены в Россию и сгинули в одном из лагерей сталинского «ГУЛАГа». Собственность в Харбине и угольную шахту захватили китайские коммунисты. В 1984 году я получил чек от Британского правительства на сумму в 24 000 фунтов в качестве окончательной компенсации за утраченную собственность с активами в 11 миллионов фунтов.

О семье моей матери я знаю меньше. Сапелкины в отличие от Скидельских были русскими христианами, и, так же, как и Скидельские, частью россиян, бежавших на Восток от большевистской революции. Они были «свободными крестьянами», которые переселились из Нижнего Новгорода на Волге в Восточную Сибирь в конце XIX века и также были заняты на строительстве железной дороги. Дедушка по материнской линии-Вениамин Васильевич в начале 20-х годов XX века был мэром городка Маньчжоули[4] в русской Маньчжурии, а затем переехал в Харбин. Он был литературно образованным господином, и я помню, как в детстве получил от него письмо, написанное на старомодном русском языке, полное высоких моральных наставлений (как сказал мне отец, переводя его). Семья моей бабушки, по-видимому, происходила из Бессарабии. Моя мама Галя родилась в Харбине в 1918 году.

История моей семьи – это микрокосм первой волны глобализации, основанной на железных дорогах, пароходах и телеграфе, которая век назад открыла Восточную Азию мировому рынку. Подъем и падение Скидельских отражают судьбу этого космополитичного мира, которому была нанесена смертельная рана Первой мировой войной. Она показывает, как политика может легко опрокинуть экономику. Богатство не спасло мою семью, как и других им подобных, от революции так же, как экономическая взаимозависимость не спасла мир от фашизма и коммунизма. Сегодня на Дальнем Востоке не осталось Скидельских. После победы коммунистов в 1949 году Китай был закрыт для остального мира на целых 40 лет. Харбин, так же, как и такие портовые города, как Шанхай и Тяньцзинь, стали чисто китайскими, полными тоскливых останков погибшей европейской культуры: набережная в Шанхае, Виктория парк авеню в Тяньцзине, Большой проспект в Харбине. Сейчас происходит их «второе открытие». Оно имеет внутрикитайскую мотивацию, но европейская основа тоже размораживается. В моем родном Харбине меня приветствовали как вернувшегося блудного сына.

[4] Русское название «Маньчжурия».

19 сентября, Шанхай. Сян Ланьсинь встречает меня утром в специальном здании Шанхайского международного аэропорта. Его сопровождает кинооператор Ян Мэй и продюсер Хань Юй. Мой визит заснимут и покажут по китайскому телевидению. В руки мне дали букет цветов и камеры заработали. Мы влезли в минивэн и поехали в Шанхай. По пути мы проезжали новый город Пудун[5]. Десять лет назад тут были поля, теперь здесь в многочисленных сменяющих друг друга небоскребах – офисах и жилых домах, живет и работает 4 млн человек. Я останавливаюсь в отеле Цзиньцзян, где во время исторического визита в 1972 году жил Никсон. Камера Ян Мэя работает постоянно. Я думаю, он остался бы жить со мной в спальне, если бы я ему позволил.

Я не прочь поесть китайской еды, но от вареной жабы на обед я отказываюсь. Ланьсинь знакомит меня с китайской водкой из ферментированного риса. Она пахнет канализацией.

Я прошелся по Хуайхай, главной торговой магистрали, ранее называвшейся Авеню Жоффр. Симпатичная аспирантка Чжоу Цюцзюнь, составившая вместе с Ян Мэем и Хань Юем, команду моих доверенных компаньонов, подробно рассказывает мне об окрестностях. На тротуаре стоит маленький зеленый автомобиль, известный как Кью-Кью. Мне говорят, что он стоит 25 тыс. юаней, или 3 тыс. долларов. Это мое первое знакомство с китайскими ценами. Я пытаюсь выучить пару фраз: *Сесе* (спасибо), *Сяу хао* (Добрый день!), *Хэн гаосин дао Чжунго* (Рад приехать в Китай…). Цюцзюнь просит меня произносить ее имя, как его произносят китайцы. Мне говорят, что мой акцент хорош, но память дырявая.

20 сентября, Шанхай. Лекция в Шанхайской академии наук по глобализации. «Сколько мне надо выступать?» – спрашиваю я Цюцзюнь. Она говорит: «Два часа». На счастье, она имеет в виду общее время встречи. Обед официальный с множеством профессоров. Я вступаю в дискуссию о Тайване с одним из них, Чжоу Цзяньмином. Будут ли США защищать его от китайского вторжения, если он объявит независимость? Он убежден, что нет. Я сказал, что такое возможно. В компании Цюцзюнь я захожу в ателье по пошиву одежды «Баромон» и заказываю костюм и пиджак. Они обойдутся мне в 4 370 юаней, или около 500 долларов.

21 сентября, *Шанхай.* Утренний визит в Далвич Колледж – китайское представительство школы из южного Лондона в Пудуне. Проезжаем мили небоскребов. Насколько жестка цензура? Я спрашиваю сопровождающего меня сегодня студента Чжан Шумэй. «Вы можете все обсуждать публично, но нельзя критиковать правительство… это нужно делать без посторонних». Я хотел посмотреть Далвич, потому что Брайтон Колледж – частная школа, где я – председатель попечительского совета, планирует открыть школу в России. Я обнаруживаю, что все ученики – иностранцы. Граждане Китая не могут здесь учиться. Я спрашиваю, почему. Китайцы хотят сохранить свою национальную идентичность, и они не позволят никому получать обра-

[5] Пудун – новый район Шанхая, построенный на восточном берегу реки Хуанпу. Строительство началось в 90-е годы XX века.

зование от иностранцев, если они уже и так не иностранцы. Но они разрешают своим детям учиться за границей? Да, это не логично…

Возвращаюсь в Шанхай, чтобы успеть встретиться с заместителем директора Шанхайского института международных проблем Ян Цземянем. Он говорит мне, что Китай – держава статус-кво, а США – революционная держава. Международное право может быть изменено только по соглашению, а не односторонними действиями США. Как марксист он верит, что надстройка изменится вслед за базисом, поэтому демократизация в Китае неизбежна, но она будет медленной и все должны проявлять терпение. Китай – «социалистическая развивающаяся экономика». Социализм нужен, чтобы противодействовать тому, что создает капитализм. Экономическое развитие увеличивает неравенство, социалистическое планирование будет необходимо позднее, чтобы ликвидировать этот разрыв. Разрешается ли ему говорить правду публично? Он отвечает, что когда он не может говорить правду, он не лжет, но уклоняется от предмета. Он сказал мне, что во время культурной революции Мао его послали в деревню на перевоспитание, и видно, что он не рискнул бы повторить это свое путешествие. Он умеет искусно излагать политику руководства на приемлемом для Запада языке.

В 4 часа дня меня и трех моих компаньонов гроза с проливным дождем, громом и молнией застигла на Бунде[6] – в старом европейском деловом центре. Мы находим убежище в знаменитом ресторане «М». Мне не разрешили платить за напитки. Но я все же купил чемодан на собственные деньги. Он стоил 100 юаней (12 долларов). Я заметил, что голова Мао все еще на купюрах, хотя он умер 30 лет назад.

22 сентября, *Шанхай.* Утром я съездил в исторический городок Чжуцзяцзяо. Мой главный гид Цюцзюнь родилась в нем и называет его «китайской Венецией». Во дворе даосского храма я вижу выгравированный на камне символ инь-ян. Именно отрицание дуализма духа и материи, хорошего и плохого делает, как мне говорят, китайскую мысль столь отличной от западной.

Во второй половине дня – лекция о Кейнсе и глобализации, устроенная Школой перспективных исследований. Около 200 магистрантов, аспирантов и преподавателей. Это сложная тема, но хороший переводчик передал основные мысли. Затем последовал коллоквиум о Востоке и Западе с профессором Сянтаньского университета Лю Циляном.

Вечером мы взяли круиз на «Золотом драконе» по реке Хуанпу с контурами Бунда на западном берегу и эффектным новым Шанхаем на стороне Пудуна. Архитектура некоторых зданий одновременно ошеломительна и странна. На стороне Пудуна доминирует телебашня «Восточная жемчужина», карандаш, достающий до неба, с двумя большими меняющими цвет шарами.

23 сентября, Тяньцзинь. Я лечу в Тяньцзинь, где жил в 1947–1948 годах и учился в Колледже Святого Людовика – французской школе, принадлежавшей Ордену Свя-

[6] Бунд (англ. «The Bund», кит. «Вай тань») – набережная реки Хуанпу в Шанхае, исторически – коммерческий центр международного сеттльмента и всей Восточной Азии.

той Марии[7], чьим самым знаменитым учеником был Чжоу Эньлай[8]. Говорят, он благоволил Тяньцзиню, когда пришел к власти. В самолете я говорю с Ланьсинем о Мао, конфуцианстве и западных ценностях. Его родители были высокопоставленными партработниками, и он защищает Мао. Я спрашиваю его, почему не было публичного отчета о годах Мао. Он говорит, что большинство китайцев не списывают со счетов эру Мао. Мао совершил много ошибок, но руководствовался благими намерениями. Такими же были Сталин и Гитлер, отвечаю я. Но, говорит Ланьсинь, Мао нельзя сравнивать с ними, потому что он не убивал людей намеренно, хотя миллионы и погибли от голода в результате его политики. В любом случае, хорошее и плохое сосуществуют в любой системе, любом человеке. В Мао были конфуцианские черты. Лично он вел аскетичную жизнь, его наследники не богаты, он стремился к некоррумпированному обществу. Ясно, что Ланьсинь не одобряет новую биографию Мао, написанную Чжан Жун и Джоном Хэллидеем: «Книга написана, как обвинительное заключение»[9]. Ланьсинь – конфуцианец, и говорит, что только иезуиты правильно понимали Конфуция. Он отвергает идею «подъема» Китая, будь то военного или мирного. Он предпочитает «возрождение».

Вместе с Ланьсинем и моей «командой» я поселился в «Эстор Хауз» – самом старом европейском отеле в Китае, построенном в 1863 году. Он стоит рядом с «Бундом» старого Тяньцзиня, полным роскошных банков, построенных в стиле 20-х годов прошлого века с величественными колоннами и мраморными интерьерами. Отель расширили за счет новой пристройки, но мой номер находился в старом здании. Я жил здесь с родителями в 1947–1948 годах, когда мой отец временно работал здесь управляющим и был в процессе развода с матерью, но этого я тогда не знал. Мои воспоминания о длинных, широких коридорах не подвели меня: вот они, отделанные темными панелями. Я гонялся по ним на моем электрическом автомобиле, который отец подарил мне на мое восьмилетие.

Менеджер проводит нас по старой части отеля. Здесь останавливались и жили многие знаменитости, стены увешаны их портретами и старыми фотоснимками – основатель заведения Густав Детринг, генерал Гордон, Сунь Ятсен, Герберт Гувер, Улисс С. Грант, Панчен-Лама, Чжоу Эньлай. Бывший мальчик-император Пу И нередко танцевал с супругой в бальном зале Эстора в 20-е годы, еще до того, как, поддавшись японскому влиянию, стал марионеточным императором Маньчжурии в 30-е годы. Я уговариваю менеджера включить металлический вентилятор Сунь Ятсена производства «Сименс», который едва работает.

Ужин с Энтони Ваном и Джоном Ханем, моими однокашниками по Колледжу Святого Людовика. Джон Хань рассказал, что он перешел в католицизм, но не из-за

[7] Точное название «Общество Девы Марии» (лат. *Societas Mariae*, S.M.) – мужская монашеская конгрегация, основанная во Франции в 1816 году. Членов называли «маристами». Колледж в Тяньцзине был основан в 1895 году.

[8] Возможно, это ошибка. Согласно официальным биографиям Чжоу Эньлая, он с 1913 по 1917 год учился в соседней Нанькайской средней школе.

[9] Jung Chang and Jon Halliday, *Mao: The Unknown Story*. London: Jonathan Cape, 2005. Русское издание Чжан Ю., Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М.: Центрполиграф, 2007. Книга ирландского историка Дж. Хэллидея и его жены Чжан Жун, крайне критическая по отношению к Мао Цзэдуну. Широко критиковалась за историческую недостоверность.

увещеваний орденских братьев, а позднее, влюбившись в девушку-католичку. Но когда их отношения не сложились, он вышел из него. Позже он женился на русской и в результате оказался дважды опальным. Высший пост, который он смог получить, была должность заместителя библиотекаря в медицинском институте. Энтони Ван, лингвист и тоже католик, не мог получить работу в университете до смерти Мао. Когда он был школьным учителем во время культурной революции, его избивали. Оба они мягкие и очаровательные старые джентльмены.

После ужина я настаиваю на том, чтобы поехать на разведку на Дублин роуд, где я жил с моей бабушкой по материнской линии, сводной сестрой моей матери Тамарой[10] и ее сыном Алеком. К моему ужасу, на месте дома номер 5 мы обнаружили огромную яму, недавно вырытую для станции метро. Остальные здания сохранились, но нет гостиной, где я играл с тетей Тамарой в шашки, не осталось и цоколя, где жил наш мальчик-слуга Ши–та. В своих замечательных мемуарах о Тяньцзине «Райский брод» Брайан Пауэр[11] пишет, что в межвоенный период Дублин Роуд был полон борделей и баров. Возможно, ко времени моего приезда они уже исчезли или же я просто был слишком мал, чтобы все это заметить.

Напротив нашего исчезнувшего дома я узнаю призрачные очертания старой синагоги, теперь стоящей в руинах. Небольшая речка, протекавшая за ней, по которой иногда проплывали тела людей, тоже исчезла под большой автострадой. Под ней, где текла река, проходит линия метро, а дальше, на месте улиц и магазинов старой британской концессии высится лес небоскребов. Мы зашли в синагогу, в которой при коммунистах когда-то работал ресторан. Сейчас какие-то израильтяне пытаются собрать средства на ее восстановление. Но сколько евреев осталось в Тяньцзине? Мы встречаем пожилую 81-летнюю даму, «ветерана» КПК. Ее с семьей поселили на Дублин Роуд, покинутую бежавшими европейцами. Она помнит «старых советских» из дома номер 5 – должно быть, это моя бабушка и наша семья, которая жила тут до начала 50-х, пока моя мать не перевезла их в Бразилию.

24 сентября, Тяньцзинь. Хлопотный день. Сначала мы пытаемся найти магазин моих дедушки и бабушки на Казинс Роуд. Там продавали продукты, произведенные на их молочной ферме под Тяньцзинем. Магазинчик располагался в старой британской концессии, сейчас эта улочка превратилась в смешение стройплощадок и лабиринтов из ветхих домишек, магазинчиков и ресторанчиков, которые выглядят, должно быть, так же, как и 60 лет назад. Нас окружает толпа велосипедистов.

Согбенные старушки появляются на аллее, как только распространяется слух о нашем приезде и поисках. Кто-то вспоминает давно закрытую еврейскую швейную фабрику. Другие говорят, что молочный магазин мог быть возле ресторана Кисслинга и, возможно, он работает и сейчас, только в другом месте. Пожилые дамы любезны, оживлены и стараются быть полезными. В разговор вступают все: и мужчины, и женщины, и пожилые, и молодые. Китай очень отличается от России количеством пожилых людей на улицах. В России люди – особенно мужчины – умирают, не до-

[10] Дочь М.А. Сапелкиной от первого брака.
[11] Brian Power, The Ford of Heaven: A Childhood in Tianjin, China (Oxford: Signal Books, 2005).

жив до 60 лет. Перед Китаем сегодня стоит большая проблема старения населения в результате политики «одна семья – один ребенок». Контраст с Индией состоит в том, что в Китае нет нищих. И, несмотря на огромное население, в Китае нет ощущения перенаселенности, как в Индии.

Еще один бывший ученик Колледжа Св. Людовика Исаак Хуан приезжает на обед и привозит старые школьные фотографии. Все трое бывших соучеников лет на пять старше меня, поэтому в школе они, конечно, не могли бы заметить такую малявку, как я, а я – их. Орденские братья обратили Хуана в католицизм, и он был активным членом в запрещённой организации Маристов, из-за чего 20 лет мог зарабатывать только физическим трудом.

Затем, после обеда, мы отправились к Колледжу Св. Людовика на территории французской концессии. Массивное здание из красного кирпича в эдвардианском стиле было разрушено вскоре после прихода коммунистов, и на его месте была построена больница. Теперь больницу собираются снести, чтобы построить новое здание – школы. Я предлагаю своей команде назвать ее Новая школа Людовика, так как слово «святой» все еще считается политически некорректным.

В школьном журнале я записан одним из 32 учеников, поступивших 23 сентября 1947 года, британским подданным, по религии – протестантом. Я был одним из только двоих британцев и троих протестантов из всех мальчиков. Большинство составляли католики и русские православные, четверо были записаны как «иудеи» и восемь как «язычники». Эти последние были китайцами. Братья принимали свои задачи в отношении язычников серьезно и усердно старались обратить нас в католичество. Помню, как брат Отто пытался убедить нас, что католики лучше протестантов, потому что подают милостыню бедным. Думаю, что я оставался верен протестантам не только потому, что был британцем, но и потому, что прислуживал мальчиком-алтарником в церкви Всех святых.

В книге Давида Хулма подробно, хотя и не очень лестно, рассказывается обо мне в Колледже Святого Людовика[12]. Автор в основном полагается на воспоминания японского мальчика Ацуо Цукады, ставшего моим лучшим другом. Читать это больно, потому что поначалу я был жесток к Ацуо, безжалостно издеваясь над его английским (он путал звуки «л» и «р») и над его «язычеством». Помирила нас моя мать. Она пригласила Ацуо на чай в Эстор Хауз и нянчилась с ним как с давно потерявшимся родственником. Там и тогда я решил, что Ацуо будет моим лучшим другом, хотя и не помню, чтобы консультировался с ним по этому вопросу.

На ужин в ресторан я поехал на велорикше, похожем на того, что возил меня в школу. Только в версии 1947 года были медные лампы и разукрашенный навес. Зимой я накрывался стеганым одеялом, которое спасало меня от буквально ледяных ветров с монгольских степей. У моего рикши был длинный ноготь на мизинце, и зимой он носил стёганый костюм. Он сморкался в рукав куртки и вытирал им нос. А длинный ноготь использовал для ковыряния в носу.

Странные вещи запоминают дети. Скорее всего, летом 1948 года мы отправились на школьную экскурсию из Тяньцзиня в Пекин. Гражданская война подошла уже

[12] David C. Hulme, Tientsin (*Sevenoaks:* Iumix Ltd, 2002).

совсем близко, и железнодорожный путь был взорван. На обратном пути нашему поезду пришлось стоять несколько часов, пока не починили пути. Но лучше всего из этой экскурсии я запомнил огромную плевательницу посредине нашего вагона. Я был потрясен «ритуалом» плевания. В то время китайцы были великими плевальщиками. Сейчас это почти ушло.

Согласно журналу Колледжа Святого Людовика, 27 ноября 1948 года был моим последним школьным днем. Должно быть, сразу после этого нас эвакуировали из Тяньцзиня в Гонконг на британском эсминце. Я помню заголовок гонконгской газеты в декабре 1948 года: «Фу [гоминьдановский генерал Фу Цзои] твердо держится на Севере» и еще один чуть позже: «Шанхай будет защищаться до последней капли крови». Вскоре после этого гоминьдановские армии сдались.

25 сентября, Пекин. Поезд в Пекин. Заполненный двухэтажный вагон, ехать всего полтора часа. Заселяемся в люксовый отель «Кэпитал» рядом с вокзалом с хорошим видом на Запретный город. Я встречаюсь с экономистом Дэвидом Ли[13] из университета Цинхуа. Он также директор исследовательского центра, который спонсируется ВР. Китайцы, говорит он, копят слишком много, потому что их социальное страхование слишком скудно. Жители деревень накапливают еще больше, чем горожане, хотя доходы у них меньше. Он хочет, чтобы сельские жители из центральных и западных регионов переселялись в прибрежные районы, где в условиях лучшей социальной инфраструктуры они станут меньше копить и больше тратить. Это поможет сократить американский дефицит в торговле с Китаем. Но это сделает ужасающим городское перенаселение, предполагаю я. Вместо этого я выступаю за государственные инвестиции в сельскую инфраструктуру. Он не верит в это. Он считает привлекательной модель Лондона как успешной агломерации. Он когда-нибудь ездил по M25[14]?

26 сентября, Пекин/Харбин. Густой туман висит над Пекином. Ланьсинь говорит, что это по большей части из-за загрязнения. Мы на пути к летнему дворцу вдовствующей императрицы в Саду чистой ряби[15], потому что сохранились фотографии, где я был снят в нём в 1948 году. Дворец был разграблен британцами и французами после Опиумной войны 1856–1860 годов[16], и императрица построила ему на замену новый, использовав фонды на создание флота, из-за чего Китай был разгромен Японией в 1895 году. По крайней мере, так гласит легенда. Он опять пострадал во время Боксерского восстания и был восстановлен в 1902 году. Это прекрасный комплекс на берегу озера из множества красивых строений. Наиболее поразительное из них – корабль, полностью сделанный из мрамора.

Во второй половине дня я выступаю в Китайском институте международных проблем – исследовательском центре, который считается близким к МИД. Бывший посол в Лондоне Ма Чжэньган представляет меня долгим разъяснением совре-

[13] Китайское имя Ли Даокуй – известный китайский экономист.
[14] M25 – кольцевая автострада вокруг Лондона, знаменитая своими пробками.
[15] Сад чистой ряби (清漪園) – изначальное название пекинского парка Ихэюань (颐和园).
[16] Дворец разграбили в 1860 г.

менной китайской внешней политики. Затем мы спешим, чтобы успеть на самолет в Харбин.

Мы приезжаем в отель «Модерн» в 8 вечера. Это старый отель, который, как мне говорили, мой двоюродный дедушка Соломон использовал для свиданий со знакомой дамой. В моем номере мадам Сунь Ятсен останавливалась в 1927 году, а Шаляпин в 1936 году. Моя мама рассказывала о его визите, о том, как они встретились и как он пригласил ее на свидание. Ей было 18, и она была очень хороша собой. Номер роскошный, но нелепый. Чтобы выключить воду в ванной, надо пройти через душ. В номере есть элегантный письменный стол, но, когда я подключил свой ноутбук к розетке, в номере погас свет.

По приезде меня встречает Цюй Вэй, президент Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян и директор Харбинского центра еврейских исследований, а также разные профессора, исследователи и переводчики, с которыми я общаюсь почти до полуночи. Они говорят мне, что посещение английским лордом и представителем самой известной харбинской еврейской семьи – это великая честь для города. Затем они вручают мне расписание банкетов, визитов и презентаций, включая двухчасовое интервью и основное выступление. Чувствую, что они хотят затянуть меня в свою программу изучения харбинских евреев. Они делают фильм на эту тему для развития китайско-еврейского взаимопонимания, мира во всем мире и других благих целей. Я готов поучаствовать в проекте по еврейской истории, но не хотел бы быть поглощен им. Я говорю, что я очень интересуюсь историей семьи Скидельских, но семья моей матери, которая не была еврейской, не менее интересна. Более того, я был крещен в англиканство, а в синагоге был только один раз в жизни – на свадьбе моего друга Дэнни Финкельштейна. Кажется, что им это безразлично.

27 сентября, Харбин. Утром Еврейский комитет везет меня на еврейское кладбище, расположенное в окрестностях Харбина на Императорском холме. Участвует 14 человек, и там есть могила моего двоюродного дедушки Моисея, умершего в 1951 году в возрасте 76 лет и, по всей видимости, в бедности, так как его могильный камень самый скромный. Могила эта раньше была в черте города, но ее раскопали и перенесли сюда в 1963 году. Отец мне рассказывал истории про Моисея. Он был известен своим хорошим вкусом и экстравагантностью и, возможно, по этой причине был постепенно отстранён от семейного бизнеса. После прихода коммунистов ему было разрешено остаться в Харбине, так как он не участвовал в маньчжурском бизнесе, но, конечно, доходов у него тоже не стало. Могила поддерживается в хорошем состоянии благодаря усилиям муниципалитета и израильским благотворителям. Мне в руки всовывают букет цветов, который я кладу на могилу. Меня просят выступить с речью. Что я могу сказать, кроме того, что я здесь, чтобы почтить семью моего отца, Харбин и евреев Харбина. Кладбища всегда печальны, но особенно, когда мертвые никак не связаны с окружающими живыми.

На обратной дороге с кладбища женщина из новостного агентства «Синьхуа» спрашивает меня, следовало ли Кейнсу жениться. Совершенно очевидно, что она крайне «передовая». Ланьсинь говорит, что гомосексуализм в Китае был очень традиционен. Конфуцианские мандарины имели своих мальчиков вместе с четырьмя

или пятью женами. Нынешняя враждебность к гомосексуалам, говорит он, импортирована из Европы. Я объясняю, возможно, неверно, что европейцы не любят пересечений, как «инь–ян». От людей ожидают, что они будут либо тем, либо другим, и никто не придает особого значения, чем именно.

Мы собираемся поехать в синагогу. Сейчас в Харбине живет 2,6 млн человек. (После моей поездки Харбин «прославился» в мире тем, что в ноябре произошла утечка бензола в реку Сунхуа[17] и образовалось 50-мильное пятно). В старые времена «восточного Парижа» здесь жило около 20 тыс. евреев, вкрапленных в 200-тысячное сообщество русских, и такое же количество китайцев. Евреи находились меж двух огней: просоветских и антисемитски настроенных русских. Но я никогда не слышал, чтобы моя семья как-то пострадала от последних.

Я рассказываю Еврейскому комитету знаменитую семейную историю о том, как Соломон получил концессию на Мулинскую шахту от местного милитариста Чжан Цзолиня[18]. Оба любили покер, но Соломон играл лучше. Он позволил военачальнику выигрывать целых шесть месяцев и привел его в такое хорошее расположение духа, что тот без колебаний подписал договор о 30-летней аренде. После поездки меня делают научным сотрудником Харбинского центра еврейских исследований и вручают соответствующий диплом.

Вечером очередной банкет на 16 человек. По мере перемещения на север еда становится тяжелее. Мой желудок протестует. Ночью я видел яркий сон. Я ехал в карете с очень маленьким, круглым и забавным евреем. Я был гораздо выше его. В какой-то момент я сел, как мне показалось, в зазор между сидениями, и заставил его съехать с конца сидения на пол. Он неодобрительно втиснулся обратно на сидение рядом со мной. Что это означает? Что я стараюсь изгнать из себя еврея? Мои сны становились все интереснее (для меня), и с моим БлэкБерри их было можно записывать.

28 сентября, Харбин. Просыпаюсь с головной болью и расстройством желудка. Мы едем в дом Скидельских на Большом Проспекте в Харбине. Он больше и величественнее, чем выглядит на фотографиях, но это лишь тень былой славы. Если раньше он стоял посреди просторных ухоженных лужаек и смотрел на открытые поля, теперь к нему подкрался город, и он окружен небоскребами. Дом был ограблен в 1945 году и, как многие подобные здания, минимально поддерживался как госучреждение – в этом случае центр досуга [ветеранов] Народно-освободительной армии. Я встретил нескольких из этих старцев, сидящих на белых диванах посреди, вероятно, когда-то роскошной гостиной. Когда директор представил меня как «бывшего владельца», они тепло меня приветствовали. Один из «ветеранов» вежливо благодарит за разрешение использовать мой дом! Я воздерживаюсь от замечания, что такого разрешения не давал.

В доме два этажа и центральная лестница из резного дерева, спускающаяся в переднюю. Я представляю, как Соломон и его жена (или дама сердца) спускаются, что-

[17] Русское название «Сунгари».

[18] Чжан Цзолинь (1875–1928) – фактический правитель Северо-Восточного Китая после распада Цинской империи до своего убийства в 1928 г. Занимал различные посты, в 1927–1928 – Президент Китайской Республики.

бы приветствовать гостей. Лестница выкрашена в чудовищный коричневый цвет. Директор спрашивает моего совета по поводу цвета стен фасада, которые ремонтируют, и когда я предлагаю выбрать светлую охру, он отвечает, что передаст мои «инструкции» городским властям.

29–30 сентября, Шанхай. Въезжаю в Шанхай в 8 вечера. Почему так много высоких жилых домов стоят темными? Хань говорит, что большинство квартир покупается для перепродажи на растущем рынке и никто в них никогда не живет. Последний ужин с Чжоу Цюцзюнь, как всегда прекрасной в розовом платье, и Яном, моим верным фотографом. На следующее утро все трое: Цюцзюнь, Ян и Хань, – приехали со мной в аэропорт. Теплые прощания.

Два фильма в полете – трагикомедия нравов «Мелинда и Мелинда» Вуди Аллена и драма с боевыми искусствами «Дом летающих кинжалов». У Вуди Аллена комедия срабатывает, а трагедия – нет. Китайская картина о смутных временах IX века – фантастична и очень трогательна. Наша цивилизация обычно не может создать сказки или трагедии, потому что жизнь состоит из проблем, имеющих решения, а для фантазии и трагедии нужен мир без решений. И я думаю, сколько еще пройдет времени до того, прежде чем китайцы станут похожи на нас.

Уважаемые читатели!
Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения в России и мире на электронный адрес редакции: journal@iccaras.ru